

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

УДК 291.7

DOI 10.22311/2074-1529-2019-15-2-167-180

К. С. Мурзахалилов

Научно-исследовательский институт исламоведения, г. Бишкек

РИСКИ РЕЛИГИОЗНОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

МУРЗАХАЛИЛОВ Канатбек Сайтмуратович —

эксперт. Научно-исследовательский институт исламоведения,
(720044, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Таш-Кумырская, 23).

E-mail: murzahalilovk@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется религиозная ситуация в Кыргызстане, а также рассматриваются проблемы, которые при определенных условиях могут стать факторами роста религиозного радикализма в стране. Кроме того, описаны усилия правительственных структур Кыргызстана по упорядочению деятельности религиозных организаций и течений для обеспечения условий по сохранению светской модели государства и реализации свободы вероисповедания в Кыргызстане. Отдельно анализируются идеологические мотивы, побудившие наших граждан участвовать в сирийском конфликте, а также масштабы процесса увеличения сторонников экстремистских и террористических организаций и среди них — женщин. В заключительной части автор дает рекомендации по снижению уровня радикализации, которые могут быть реализованы путем четкой и детальной оптимизации государственной политики в сфере религии.

Ключевые слова: Кыргызстан, радикализация, религиозное образование, «Исламское государство»¹, «интернет-имам», салафизм.

Для цитирования: Мурзахалилов К. С. Риски религиозной радикализации в Кыргызстане // Ислам в современном мире. 2019; 2: 167–180;

DOI: 10.22311/2074-1529-2019-167-180

¹ Исламское государство, или ИГИЛ, — организация, запрещенная в РФ.

Статья поступила в редакцию: 15.05.2019

Статья принята к публикации: 25.06.2019

Массовый «ренессанс» религиозного сознания произошедший в республике в 90-х годах XX столетия показал, что религию не смогли искоренить никакие административные, политические или пропагандистские меры.

В результате количество зарегистрированных конфессиональных направлений в Кыргызстане возросло с 4 в 1991 г. до 30 в 2018 г. (ислам, христианство и основные его ответвления, новые религиозные движения). *Внешне* эти изменения характеризовались быстрым ростом числа культовых учреждений (мечетей, медресе, церквей, молитвенных домов, теологических образовательных учреждений), неконтролируемым выездом граждан республики за рубеж для получения религиозного образования; увеличением числа паломников, совершивших хадж; ростом поддержки религиозному сообществу со стороны местных правительств, частных доноров, иностранных государств. К этому можно добавить мощнейшее влияние зарубежных центров, организаций и миссионеров на конфессиональные сообщества, а также распространение религиозной литературы. *Внутренней* характеристикой изменений было появление таких сил и институтов, которые ратовали за кардинальное изменение политической структуры общества, вплоть до воссоздания государственной системы наподобие «халифата». Данный фактор повышал опасность того, что сторонники деструктивных групп, декларирующих превосходство только одной религии, будут стремиться завладеть государственной властью.

Как известно, до 1991 года в Кыргызстане действовали всего 39 официальных мечетей, не было ни одного медресе. Христианство было представлено 25 храмами и приходами Русской православной церкви, а также общинами баптистов, адвентистов, пятидесятников и католиков.

По состоянию на 1 июня 2018 года уполномоченным государственным органом по делам религии произведена учетная регистрация 3257 религиозных организаций и объектов религиозного назначения. Из них исламского направления — 2844, в том числе 2647 мечетей, 10 высших религиозных учебных заведений (из них 1 университет), 107 медресе. Действуют 399 религиозных объектов христианских конфессий, в числе которых 51 храм и приход Русской православной церкви (из них 1 женский монастырь), 2 религиозные организации православного вероисповедания (старообрядческие церкви), 4 общины католиков.

Также христианское направление представлено 342 религиозными организациями и объектами протестантского толка. В Кыргызстане протестантизм представлен такими организациями, как «Союз церквей евангельских христиан-баптистов», религиозной общиной «Кудай жааматы» пятидесятнической ориентации, организацией «Южная конференция христиан адвентистов седьмого дня», «Религиозным центром Свидетелей Иеговы», «Евангелическо-лютеранской общиной», «Пресвитерианскими общинами», церквями харизматического направления, неденоминированными религиозными организациями, миссиями зарубежных конфессий и другими. Каждая из указанных протестантских организаций имеет в своем составе от 20 до 50 церквей, молитвенных домов и центров, расположенных по всей территории республики. Кроме того, проводят свою работу 16 образовательных учреждений протестантского направления. Действуют 1 иудейская и 1 буддийская общины, а также 12 общин «Бахай»¹.

В настоящее время на территории Кыргызстана судами различных инстанций запрещена деятельность 20 групп, движений и организаций экстремистского и террористического характера. Практически все они имеют внешние центры управления и корни.

Как известно, подавляющее большинство жителей Кыргызстана (около 85%) позиционируют себя в качестве мусульман. При этом в республике устойчиво сохраняется светский характер всех институтов власти.

Это, в свою очередь, способствует полноценному саморазвитию религиозных процессов в стране, что в конечном счете привело к возникновению поликонфессионального общества. Однако механическая замена в государственно-конфессиональных отношениях тоталитарно-атеистической модели на либеральную, без учета реалий общественно-политической, социально-культурной жизни страны, породила проблемы и вызовы, несущие угрозы безопасности государства. В результате создалась допустимо напряженная, но в целом координируемая и контролируемая со стороны государственных органов и самих конфессиональных сообществ религиозная ситуация.

В связи с этим появилась актуальная необходимость упорядочить деятельность религиозных организаций и течений в стране, обеспечить условия для сохранения светской модели государства и реализации свободы вероисповедания в Кыргызстане².

Серьезная озабоченность неоднозначным состоянием религиозной обстановки подстегнула Совет безопасности Кыргызской Республики в 2014–2015 годах провести ряд заседаний, специально посвященных проблемам в религиозной сфере. Например, на первом заседании,

¹ Данные Государственной комиссии по делам религий Кыргызской Республики.

² Чотаев З. Д., Исаева Г. К., Турсунбеков З. А. Государственная политика в религиозной сфере: законодательные основы, концепция и «традиционный ислам» в Кыргызстане: методические материалы. Бишкек, 2015. С. 4.

3 февраля 2014 года, члены Совета безопасности признали ошибочной сложившуюся в последние годы практику дистанцирования государственных органов от регулирования процессов, связанных с вопросами религии. Было признано, что недостаточное внимание к религиозной ситуации в стране может привести к негативным последствиям в виде конфликтов, межрелигиозных столкновений, которые угрожают расколом в государстве¹.

Благодаря принятым на этих совещаниях решениям была заложена реальная основа для проведения кардинальных реформ в области религии. Разработана и 14 ноября 2014 года указом Президента Кыргызской Республики утверждена «Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы»² и план действий к ней, включающий 75 мероприятий.

21 июня 2017 года утверждена «Программа Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы»³, которая является содержательной основой реализации «Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики», утвержденной Указом Президента Кыргызской Республики от 9 июня 2012 года. Данная программа — своего рода первая попытка скоординировать действия всех силовых структур, гражданского общества и других заинтересованных органов в сфере противодействия религиозному радикализму и терроризму. «Конечно, она требует некоторой корректировки, но самое главное — были разработаны задачи и меры политики, они выполнимы и не заоблачны», — заметил по поводу этого документа один из экспертов по безопасности⁴.

В рамках реализации вышеуказанных документов осуществляется полномасштабное реформирование религиозной сферы. Закладываются основы цивилизованных государственно-конфессиональных отношений, создаются предпосылки для конструктивного диалога, социального партнерства между государством и религиозными организациями. Всеми государственными институтами осознана необходимость реализации концептуальных основ религиозной политики и определены форматы взаимодействия государства и религии во всех ее проявлениях. Идет процесс формирования модели партнерства государственно-конфессиональных отношений.

¹ Совет обороны решил... // Общенациональная газета «Слово Кыргызстана». 2014. 5 февраля.

² «Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы». [Электронный ресурс] // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/68294> (дата обращения: 20.03.2019).

³ «Программа Правительства Кыргызской республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы». [Электронный ресурс] // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/100104> (дата обращения: 20.03.2019).

⁴ Султанов А. Кыргызстан обился положительными результатов в борьбе с экстремизмом, считают наблюдатели // Каравансарай. 23.01.2018. [Электронный ресурс] // URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/52436> (дата обращения: 20.03.2018).

Для модернизации системы религиозного образования разработана и принята концепция «О религиозном образовании». На общественное обсуждение вынесен проект закона «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» с поправками.

Со стороны государственных органов ведется систематический мониторинг религиозных процессов. В СМИ запущены просветительские программы на религиозные темы.

Вместе с тем наряду с достижениями существуют проблемы, которые необходимо решать.

Как известно, в настоящее время в странах с преимущественно мусульманским населением, как общемировая тенденция, наблюдается радикализация религии с превращением ее в важную составляющую политических и социально-экономических процессов. В Кыргызстане, как и в других странах Центрально-Азиатского региона, вопросы радикализации общества, особенно молодежной его части, действительно актуальны. Данный фактор обусловлен глобальными трендами, существующими в мире и в странах Ближнего Востока в частности (например, в той же Сирии). Кроме того, в нашей республике имеются проблемы, которые при определенных условиях могут стать факторами развития религиозного радикализма. Это недостаточный уровень образования (как светского, так и религиозного), проблемы социально-экономического характера, особенно низкий уровень жизни населения, наличие безработицы, достаточно высокая степень трудовой миграции, когда граждане попадают под влияние пропаганды радикальных джамаатов. Совокупность обстоятельств, таких как поиск себя, своей идентичности, нереализованность своего потенциала, идеологический вакуум, который государство на данный момент не может заполнить, доводы со стороны вербовщиков, также является немаловажным аргументом в пользу радикализации. Нерешенные каждодневные проблемы, такие как вопросы коррупции, общественной безопасности, межэтнические отношения, доступ к правосудию, могут стать еще одной причиной радикализации. Факторами роста радикализма также являются подпольная деятельность запрещенных радикальных групп, налаженные каналы переправки завербованных граждан в зарубежные лагеря террористов и экстремистов, а также интернет-ресурсы, посредством которых распространяются различные деструктивные призывы и идеи.

Как показывает анализ, эмиссары и приверженцы радикальных групп работают с верующими, особенно из числа молодежи, индивидуально. В этих целях они направляют свои усилия на формирование кадрового резерва, организуют нелегальную отправку молодых граждан на обучение в зарубежные исламские центры. Их пропаганда ведется через Интернет, а фетвы распространяются в онлайн режиме.

Пока государство ищет эффективные пути уменьшения влияния зарубежных идеологических центров, они продолжают переформатировать религиозное сознание верующих в Кыргызстане.

В данное время ни в одной государственной структуре Кыргызстана нет точных сведений о количестве наших граждан, получивших или получающих религиозное образование за рубежом. По этой причине невозможно определить их точное количество, а также место и качество полученного за рубежом религиозного образования.

Одним из оснований для выезда граждан Кыргызстана за рубеж является привлекательность изучения языка, качество знаний и престижность обучения за пределами республики. Следует сказать, что многие преподаватели и руководители действующих здесь исламских институтов и медресе, являются выпускниками зарубежных учебных заведений.

Необходимо отметить и активную вербовку наших граждан для участия в Сирийском конфликте. Так, по официальным данным, по состоянию на декабрь 2014 года выявлено 170 случаев выезда граждан Кыргызской Республики для участия в боевых действиях на стороне «Исламского государства», в мае 2015 года — 350, в сентябре 2016 года — 560 случаев¹. По состоянию на 28 июня 2018 года 850 граждан республики считались выехавшими в Сирию, из них 150 человек погибли². Хотя, по неофициальным данным, количество выехавших гораздо больше и в реальности никто не знает, сколько человек находится в зоне конфликта на Ближнем Востоке.

Правоохранительными органами Кыргызстана были выявлены четыре пути вывоза граждан Кыргызстана на войну в Сирию. Первый маршрут — это Бишкек—Ош—Стамбул—Сирия. Второй путь — вербовка мигрантов из Кыргызстана, находящихся в России, а затем их вывоз в Сирию. Третье и четвертое направления — через Украину и Грузию³.

По словам бывшего министра внутренних дел Кыргызской Республики М. Турганбаева, «для участия в боевых действиях в Сирии вербуются преимущественно испытывающие материальные и другие проблемы кыргызстанцы, а также те, кто не отличается четкой и грамотной позицией в вопросах веры и религии»⁴. Также он добавил, что в Сирию уезжают и молодые женщины. По информации спецслужб Кыргызстана есть случаи, когда мужчины на войну берут с собой жен или когда

¹ «Программа Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы».

² ГКНБ: из 850 выехавших в Сирию кыргызстанцев погибли 150 // ИА «Кактус media». [Электронный ресурс] // URL: http://kaktus.media/doc/376494_gknb:_iz_850 (дата обращения: 11.02.2019).

³ Уралиев М. МВД выявило четыре направления вывоза кыргызстанцев в Сирию // Вечерний Бишкек. 2015. 11 марта.

⁴ Акаев Ж. Участники «секс-джихада» возвращают из Сирии в Кыргызстан // Радио «Азаттык». 2015. 23 января. [Электронный ресурс] // URL: <https://rus.azattyk.org/a/26808946.html> (дата обращения: 11.02.2019).

девушки и женщины едут в Сирию на «секс-джихад», то есть оказывать сексуальные услуги боевикам¹.

Следует отметить, что социальный феномен «джихад ан-никах» (в мировой прессе он чаще упоминается под названием «секс-джихад») возник в 2013 году, когда мусульманки-суннитки стали приезжать в лагеря боевиков для оказания секс-услуг². В основе «джихада ан-никах» лежит норма о временном браке (или браке для удовольствия), которая распространена среди шиитов и разрешает мужчине и женщине вступить в брак на один день. В мусульманских странах суннитского толка такой брак не признается. Идеологи ИГИЛ придумали свою интерпретацию этого феномена. По их мнению, выход замуж за боевика, рождение детей в таком браке, удовлетворение сексуальных потребностей считается своеобразной формой джихада для женщин. Многие женщины в странах Ближнего Востока, Европы и даже в Кыргызстане поддались на такую пропаганду и поехали в Сирию.

Летом 2015 года, в пик массового выезда граждан республики в Сирию, правоохранные органы сообщали, что около 420 граждан Кыргызстана находятся на территории Сирии и Ирака, ведут боевые действия в рядах «Исламского государства»³. Из них женщин — 22%, несовершеннолетних — 14%, выехало семьей — 11%. Причем возраст женщин, вовлеченных в деятельность экстремистских и террористических организаций, составлял от 17 до 25 лет⁴. В тот же период в ходе спецопераций силовых структур были выявлены 152 факта вербовки граждан Кыргызстана для участия в боевых действиях на территории Сирии и Ирака. Из этих граждан 91% были женщины⁵.

С сожалением приходится констатировать, что если в 2005 году доля женщин в совершении преступлений экстремистского характера составляла 1,1%, то в 2015 году она возросла на 25%. По состоянию на 9 сентября 2018 года из всех выявленных активных членов экстремистских организаций 7,4% составляют женщины. Из всех выехавших в Сирию — 24,9% женщины⁶.

¹ Акаев Ж. Участники «секс-джихада» возвращают из Сирии в Кыргызстан // Радио «Азаттык». 2015. 23 января. [Электронный ресурс] // URL: <https://rus.azattyk.org/a/26808946.html> (дата обращения: 11.02.2019).

² Джихад ан-никах. [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BA%D1%81-%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B4> (дата обращения: 18.03.2019).

³ Моисеева С. 420 кыргызстанцев участвуют в боях в Сирии и Ираке // «Вечерний Бишкек». 2015. 26 июня.

⁴ МВД КР: С начала 2015 года задержано более 200 членов экстремистских организаций // Национальное информационное агентство «Кабар». [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kabar.kg/law-and-order/full/95630> (дата обращения: 21.08.2015).

⁵ Исманов А. Жамал Фронтбек кызы: Каждый четвертый член радикальных религиозных организаций — женщина! // Газета «Новые лица». 2015. 16 декабря.

⁶ Цой Е. Ряды террористов все больше пополняются женщинами // Национальное информационное агентство «Кабар». [Электронный ресурс] // URL: <http://kabar.kg/news/riady-terroristov-vse-bol-she-popolniaiutsia-zhenshchinami-mvd/> (дата обращения: 16.04.2019).

Результаты социологического исследования, проведенного в 2016 году Б. Дубанаевым и Т. Дронзиной, показывают, что большинство из тех, кто уехал воевать в Сирию, имеют как минимум среднее образование. Были и те, у кого образование высшее. Некоторые из опрошенных мужчин имели высшее техническое образование, а женщины — медицинское. При этом они были религиозно безграмотными людьми, то есть не знали, что такое джихад и какие цели он преследует.

Исследователями были изучены жизненные истории 25 кыргызстанских джихадистов, уехавших в разное время в Сирию, Ирак и Вазирстан — так называемую «зону свободных племен», находящуюся на границе Афганистана и Пакистана.

Как выяснилось, «прививку» радикальной идеологии эти люди получили в основном в социальных сетях. В меньшей степени — в ходе частных уроков, а также во время обучения в радикальных салафитских центрах за рубежом.

Большинство из этих 25 кыргызстанцев были завербованы на войну на территории России и в других странах — в Египте, Саудовской Аравии, Турции. Из троих вернувшихся джихадистов двое подтвердили, что их завербовали через социальные сети — «Фейсбук», «Одноклассники», «Мой мир», «В контакте».

На войну их толкали в основном три мотива:

– религиозный мотив — желание «совершить богоугодное дело для того, чтобы попасть в рай»; желание вести борьбу против «кафиров и врагов ислама»; желание построить исламское государство;

– идеологические мотивы, не связанные с религией, — желание действовать и быть активным строителем как своей жизни, так и всего общества; желание быть защитником слабых (женщин, детей, стариков); готовность бороться за свободу и справедливость (а в качестве наиболее подходящего объекта приложения сил был выбран режим Башара Асада).

– сугубо личные мотивы, с идеологией вовсе не связанные, — стремление к аванюре, желание повидать мир, экономические и этнические проблемы на родине, неудачи с интеграцией в общество в другой стране (например, в России, где будущие джихадисты пребывали в качестве трудовых мигрантов), неудачи в личной жизни. У женщин — желание воссоединиться с полюбившимся молодым человеком, с которым познакомилась по Интернету¹.

В своем докладе Международная группа по предотвращению кризисов (ICG) констатирует, что 99% рекрутов «Исламского государства» в Кыргызстане, направляющиеся в Сирию для джихада, не имеют

¹ Дубанаев Б. О государственных мерах по противодействию вербовке граждан в ряды террористических и экстремистских организаций. Бишкек, 2016. С. 7–13.

образования. «Они получают религиозное образование на местном деревенском уровне. Деньги в их жизни не играют никакой роли. Они не переживают, у них нет крыши над головой, они следуют своей идеологии. Центральноазиатские правительства часто не могут осознать, что “Исламское государство” призывает определенную категорию людей. Это семнадцатилетние парикмахеры, бизнесмены, женщины, которых бросили мужа ради вторых жен в России, семьи, которые верят, что их дети будут иметь лучшие перспективы в халифате, молодые безработные и студенты», — перечисляется в документе.

Согласно этому же докладу все джихадисты из Центральной Азии вдохновлены верой в то, что ИГИЛ — это серьезная альтернатива постсоветской жизни.

В докладе также приводится противоположное мнение местных экспертов о том, что среди уехавших в Сирию или сочувствующих «Исламскому государству», есть образованные и успешные люди¹.

К настоящему времени члены всех без исключения радикальных групп изменили формы и методы своих агитационно-пропагандистских акций. Если до 2010 года они в основном занимались распространением листовок и брошюр, то теперь широко используют Интернет (YouTube, Facebook, Одноклассники, WhatsApp). Большинство верующих, не находя ответа на свои вопросы в мечетях, зачастую обращаются к «интернет-имамам» — новому феномену сегодняшнего дня. Интернет-пространство, особенно социальные сети, выступают в качестве новой площадки для распространения радикальных идеологий. К сожалению, государственные органы пока не в силах контролировать данную сферу и ограничиваются лишь мониторингом ситуации. Так, запрещенные экстремистские организации, (например, «Хизб ут-Тахрир»), открыто пропагандируют свои идеи через медиа-каналы («Politumma», «Turkiston-KG»).

Помимо этого, внедряется новая тактика дистанционной вербовки и создания террористических групп (так называемых виртуальных джааматов) через собственные web-ресурсы².

С другой стороны, из-за существующего разнообразия религиозных течений и низкой образованности простые верующие не ориентируются в религиозных вопросах. Порой на форумах и в социальных сетях разгораются дискуссии, в которых представители каждого джамаата пытаются доказать свою правоту. Зачастую такие споры переходят в публичные обвинения и оскорбления.

¹ Яловкина А. Доклад ICG: 99% рекрутов ИГИЛ в Кыргызстане необразованны // Вечерний Бишкек. 2015. 21 февраля.

² Мурзахалилов К. Кыргызстан: религиозный фанатизм — уже реальность // ИА «24.kg». [Электронный ресурс] // URL: <http://arch.24.kg/community/173713-kyrgyzstan-religioznyj-fanatizm-uzhe-realnost.html> (дата обращения: 05.03.2019).

Как показывает анализ, в подготовке материалов на сайтах экстремистских организаций активное участие принимают опытные психологи, умеющие манипулировать общественным мнением; в глобальной сети они умело рекламируют и пропагандируют свою деятельность. Например, в структуре ИГИЛ успешно функционирует специально созданное медийное подразделение «Ал-Фуркан»¹, которое на зависть «Ал-Каида» и «Фронту ан-Нусра» эффективно использует все возможности всемирной паутины — публикуя свои идеи и призывы, размещая сцены истребления колонн военной техники правительственных войск, нападения на семьи военных и казни гражданского населения. Так, в мае 2014 г. «Ал-Фуркан» разместила в Интернете документальный фильм «Звон мечей». По оценке кинематографов из CNN, по качеству съемки, монтажу он сравним с продукцией американского кинематографа и не уступает ей как по зрелищности, так и по реалистичности. Пропагандистский фильм «Звон мечей» и вышедший за ним фильм «Пламя войны» были выложены в Интернете и набрали рекордное количество просмотров. Видеозапись ИГИЛ казни целой группы офицеров сирийских ВВС, как и другие ролики, была удалена практически сразу во всех странах мира с формулировкой «за пропаганду экстремизма».

Специфика распространения идей радикализма в Кыргызстане (как говорится в «Программе Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы») в целом отличается следующими особенностями:

- сращивание радикальных религиозных течений с организованными преступными группировками;
- вербовка в пенитенциарных учреждениях;
- среди населения Кыргызской Республики не уменьшается число лиц, потенциально склонных к терроризму и экстремизму². Стоит отметить, что в республике наблюдается тенденция к сращиванию религиозно-экстремистских движений с организованной преступностью. Зачастую это можно видеть в действиях представителей салафизма. Многие криминальные элементы, вовлеченные в деятельность радикальных джааматов, строят мечети, поддерживают религиозные учебные заведения, тем самым создавая для себя прикрытие на случай преследования правоохранительных органов и отвлекая внимание общественности. Анализ показывает, что в результате сращивания экстремистских и криминальных групп в обществе вполне может создаться неблагоприятная

¹ Маликов К. Безопасность Центральной Азии: Современная динамика радикализации среди молодежи в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане // ИА «АКИпресс». URL: <http://analitika.akipress.org/news:5552> // (дата обращения: 09.11.2018).

² «Программа Правительства Кыргызской Республики по противодействию экстремизму и терроризму на 2017–2022 годы».

ситуация, так как у религиозно-экстремистских радикальных групп имеются идеологические мотивы, а у криминальных организаций есть дестабилизирующий потенциал.

Увеличивается число криминальных действий религиозного характера, когда ограбление или нападение считаются «амалиятом» (военная операция), а добыча «ганиматом» (военная добыча). Криминальные действия легитимизируются посредством религиозных догм, а разбой совершается под видом борьбы за справедливость. Например, религиозно-криминальные группы осуществляли разбойные нападения на финансовые и другие коммерческие организации и ограбления.

Не стоит забывать, что экономические факторы, которые способствуют криминализации молодежи, оказываются действенными и в вопросах религиозной радикализации. По мере нарастания экономических проблем все больше будет увеличиваться и риск вступления молодых людей в радикальные группы.

Следует отметить, что в Кыргызстане с каждым годом число осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности растет. Увеличивается и число тех, кто познакомился с идеями радикального толкования ислама в тюрьмах. По данным «Управления ООН по наркотикам и преступности в Кыргызской Республике», в 2010 году количество осужденных за терроризм и экстремизм составляло 79 человек, в 2016 году — 350 человек, а на октябрь 2018 года — уже 422 человека. В 2018 году обвинительный приговор вынесли в отношении 123 человек¹. По информации председателя Государственной службы исполнения наказания Кыргызской Республики Т. Жапарова², «в кыргызских тюрьмах есть осужденные члены террористических и экстремистских организаций “Жайшуль Махди”, “Джабхат ан-Нусра” и “Хизб ут-Тахрир”, а также боевики из Сирии»³.

Несмотря на то, что за 2018 год официально не было выявлено ни одного случая переправки граждан Кыргызстана в зоны конфликтов в Сирию, Ирак, Афганистан и Пакистан, это не говорит о снижении радикализации. Вероятнее всего, потенциальное возвращение боевиков с опытом военных действий и «спящие» ячейки тех радикальных групп, которые симпатизируют террористическим организациям, будут представлять особую опасность. Сказанное подтверждается и действиями спецслужб республики, которые 25 октября 2018 года

¹ Короткова Е. Дальше — больше: в Киргизии растет число осужденных за терроризм и экстремизм, 20% из них — женщины // Портал «News-Asia». [Электронный ресурс] // URL: <http://news-asia.ru/view/ks/11194> (дата обращения: 15.03.2019).

² Таалайбек Жапаров занимал эту должность с 26.07.2016 до 08.02.2019. — *Примеч. ред.*

³ В кыргызских тюрьмах есть осужденные члены «Жайшуль Махди», «Джабхат ан-Нусра» и «Хизб ут-Тахрир» // КНИА «Кабар». [Электронный ресурс] // URL: <http://kabar.kg/news/v-kyrgyzskikh-tiur-makh-est-osuzhdennye-chleny-zhaisul-makhdi-dzhabkhat-an-nusra-i-khizb-ut-takhrir/> (дата обращения: 16.02.2019).

пересекли деятельность «спящей» ячейки международной террористической организации (МТО), действовавшей на территории Чуйской области. По сообщению Госкомитета национальной безопасности¹, задержаны пятеро иностранных граждан и четверо граждан Кыргызстана. С 2017 года они активно занимались вербовкой и вовлечением граждан в ряды боевиков, намереваясь организовать диверсионно-подрывные акции с использованием огнестрельного оружия и самодельных взрывных устройств. Задержанные иностранные боевики у себя на родине разыскивались по обвинению в причастности к террористической деятельности.

Кроме того, на фоне устойчивой тенденции усиления интереса населения к религии традиционный ислам ханафитского мазхаба, несмотря на государственную поддержку, постепенно уступает свои позиции различным джааматам и группам зарубежного происхождения, порой деструктивной направленности. Деятельность же последних, зачастую прямо или косвенно, подрывает общественную безопасность, создавая тем самым острые внутриконфессиональные противоречия и усиливая распространение радикальных идей.

Вопрос модернизации религиозного образования в Кыргызстане является также актуальным, так как радикализация верующих и условия, толкающие их на это, могут представлять опасность для стабильности в республике.

Следует отметить, что в республике отсутствуют единые стандарты религиозного образования. Низкая образованность имамов мечетей и преподавателей медресе, получивших знания самостоятельно, сказывается на качестве обучения и воспитания студентов. Если проанализировать религиозное образование в Кыргызстане, на первый взгляд может показаться, что в данной сфере происходит положительное развитие. Например, с ростом строительства мечетей, возросло количество медресе при этих мечетях. Однако на самом деле легко заметить, что качество находится на низком уровне, нет единой унифицированной программы преподавания, стандартов, не говоря уже об условиях и техническом оснащении.

Анализ показывает, что большинство работающих на должности имамов или же имам-хатыбов не имеют специального духовного образования, многим явно не хватает имеющейся подготовки, опыта работы и знания языков. Это показала аттестация, которая была проведена Муфтиятом в 2017 году, когда из 2670 имамов аттестацию прошли 1940 (72,7%). Малообразованность мусульманских духовных служителей сказывается на качестве воспитания и просвещения верующих.

¹ Григоренко В. Кыргызстан становится базой для подготовки международных террористов? // «Вечерний Бишкек». 2018. 02 ноября.

Большинство медресе продолжают получать финансовую и материальную поддержку извне. Об этом свидетельствует тот факт, что отдельные исламские страны финансируют свои религиозные центры на государственном уровне, чтобы распространить за рубежом свое культивируемое ими понимание ислама.

С другой стороны, религиозные учебные заведения Кыргызстана не торопятся получать государственную аккредитацию, потому что существующий неформальный и неурегулированный статус позволяет им вести свою деятельность независимо от государственных органов и Духовного управления мусульман Кыргызстана и, возможно, скрывать таким образом свои финансовые источники.

К сожалению, рост влияния различных радикальных групп на фоне бездействия Духовного управления мусульман Кыргызстана, нехватка образованных кадров перечеркивают все положительные достижения мусульманской общины.

Хотим мы того или нет, но сегодня мы вплотную стоим перед особой опасностью смыкания интересов деструктивных политических сил и организованных преступных группировок с фанатическими и религиозно-экстремистскими организациями. В результате этого могут обладать интересы сторонников радикализма в ущерб интересам светского общества и существующего конституционного строя.

В настоящий момент анализ состояния религиозной политики и негативные тенденции в развитии религиозной ситуации позволяют констатировать, что проблема религии в общественно-политической жизни Кыргызстана, ее влияния на государство и общество чрезвычайно актуальна.

Резюмируя сказанное, отметим, что основные проблемные зоны указанных субъектов взаимодействия находятся в управленческом пространстве и могут быть скорректированы путем четкой и детальной оптимизации государственной политики в сфере религии.

Литература

Дубанаев Б. С. О государственных мерах по противодействию вербовке граждан в ряды террористических и экстремистских организаций. Бишкек, 2016. 116 с.

Чотаев З. Д., Исаева Г. К., Турсунбеков З. А. Государственная политика в религиозной сфере: законодательные основы, концепция и «традиционный ислам» в Кыргызстане: методические материалы. Бишкек, 2015. 34 с.

References

Dubanayev. B. (2016). *O gosudarstvennykh merakh po protivodeystviyu verbovke grazhdan v ryady terroristicheskikh i ekstremistskikh organizatsiy* [On State Measures to Counter the Recruitment of Citizens into the Ranks of Terrorist and Extremist Organizations]. Bishkek. 116 p.

Chotaev Z. D., Isaeva G. K., Tursunbekov Z. A. (2015). *Gosudarstvennaia politika v religioznoi sfere: zakonodatel'nye osnovy, kontseptsii i «traditsionnyi islam» v Kyrgyzstane: Metodicheskie materialy* [State Policy in the Religious Sphere: the Legal Framework, the Concept and the “Traditional Islam” in Kyrgyzstan: Methodical materials]. Bishkek. 34 s.

Islam in Social and Political Life of Countries and Nations

RISKS OF RELIGIOUS RADICALIZATION IN KYRGYZSTAN

Abstract. The paper deals with the religious situation in Kyrgyzstan in general as well as with issues that in certain conditions might serve as factors for development of a religious radicalization in Kyrgyzstan. The author describes certain measures taken by the Kyrgyz Government to bring into order activities of religious organizations and movements. The aim is to protect a secular model of the state development and freedom of religion in the country. Also, it analyzes ideological reasons that motivate people to participate in the Syrian conflict as well as the entire picture of the number of followers of extremist and terrorist organizations, especially women. The conclusion contains some recommendations on decreasing the level of radicalization. These recommendations may be adapted through a clear and detailed optimization of the state policy in the sphere of religion.

Keywords: Kyrgyzstan, radicalization, religious education, «Islamic State», internet-imams, salafism.

Kanatbek S. MURZAHALILOV,
expert, Scientific Research Institute for Islamic Studies
(23, Tashkomyrska str., Bishkek, 720044, Kyrgyzstan).
E-mail: murzahalilovk@gmail.com

